

самую послѣднюю минуту, уже сидя въ коляскѣ, вдругъ приказалъ своему управляющему немедленно выдать богодуховскому крестьянину, Алексѣю Иванову Щастневу, даровую купчую на всю пустошь Мокрецы. «Довѣренность на сей предметъ», кратко добавилъ князь, «вы найдете у меня въ кабинетѣ, на письменномъ столѣ». Кромѣ того, онъ же приказалъ: за всѣхъ крестьянъ села Богодухова всѣ подати за текущій годъ, а равно и всѣ недоимки прежнихъ лѣтъ—тотчасъ уплатить изъ вотчинной конторы.

Николай Оадѣвичъ ушамъ своимъ не вѣрилъ.

— Да вы шутите, должно быть!—воскликнулъ онъ было въ первую минуту.

— Какія тутъ шутки!

Очень мрачное лицо г. Тапфера дѣйствительно не допускало и предположенія о шуткахъ или мистификаціи. Притомъ же ученый агрономъ совсѣмъ не склоненъ былъ къ подобнымъ маленькимъ забавамъ...

Да, несомнѣнно, извѣстіе было вполне достовѣрное.

Но Николая Оадѣвича оно ошеломило до такой степени, что онъ даже не сразу могъ освоиться съ новымъ фактомъ, не сразу вникнулъ во всѣ его тревожныя послѣдствія.

Впрочемъ, это было лишь минутнымъ помраченіемъ свѣтлаго ума.

— Господи!—воскликнулъ онъ вдругъ, хватаясь за голову обѣими руками.—Федоръ Карловичъ! Что же вы со мной-то дѣлаете?

Тапферъ только руками развелъ.

— А я тутъ при чемъ, и что могу?—возразилъ онъ мрачно.—Черезъ недѣлю или двѣ меня, вѣроятно, самого турнуть отсюда... Дай только Богъ благополучно выскочить.

— Что вы! А васъ за что?

— Да все за то-жъ. Вѣдь князь-то, оказывается, всѣ Мокрецы объѣздилъ самъ, верхомъ, осматривалъ всю землю: и луга, и конопляники...

— Ну-у?!

— Чего ну! Вѣрно, коли говорю.

— А вы и не знали?

— Узналъ... да поздно.

— Кто-жъ его проводжалъ? Кто ему межи указывалъ?

— Все тотъ-же Щастневъ, подавиться ему навозомъ!

Николай Оадѣвичъ и руки разставилъ въ тяжеломъ раздумѣ: совсѣмъ придавили его такіа извѣстія.